

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
Одна смертельная тайна

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

КРУЖЕВНОЕ
УБИЙСТВО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Кружевное убийство / Людмила Мартова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-208770-7

Снежана Машковская вела тихую уютную жизнь с мамой и работала в ателье, где занималась любимым делом — плетением кружева. Пока к ней не обратились из полиции с просьбой об экспертизе: в лесу был найден чемодан с останками пожилой женщины, там же лежал сколок — старинный эскиз кружева. Рисунок оказался подписан, и Снежана поняла, что он имеет непосредственное отношение к истории ее семьи и создан знаменитой кружевницей Татой Макаровой, ее далекой прародительницей. Но как он связан с убийством и его жертвой? Незаметно для себя Снежана втянулась в расследование, вместе с которым в ее жизнь вошли волнующие перемены...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-208770-7

© **Мартова Л., 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026**

Марине Липиной,
Елене Петряевой
и Александре Чуриной,
которые неожиданным
и мистическим образом
выложили в социальных
сетях свои семейные
истории о вологодском
кружеве в тот момент,
когда я работала
над этой книгой

*Во Фетиньи́не беседа хороша.
Во беседе сидит девушка
Со точеными пялечками,
Со камышевым коклюшечкам,
С коленкоровой подушечкой,
С позолоченным булабочкам.
Она шелковы кружева плетет.*

*Образец вологодского музыкального
фольклора (по Н. Иваницкому)*

*Все события вымышлены, любые
совпадения случайны*

ПРОЛОГ

Поздняя осень в этом году выдалась настолько красивой, что в это даже не верилось. Не может быть такого октября: теплого, с прогревающимся днем до восемнадцати градусов воздухом, сухого, с ласково шелестящей под ногами листвой, с сияющим на солнце золотом крон, с сочной зеленью травы под ногами. И в обычный-то год не может, а уж в этот проклятый високосный тем более.

Но то ли в награду за весь год и связанную с ним нервотрепку, то ли в насмешку на дачах в октябре цвели розы, набухли почки на сирени, продолжала плодоносить малина, а в лесу на смену отошедшей клюкве и бруснике новой волной пошли грибы.

Именно за грибами и отправилась в последние теплые октябрьские выходные семейная пара, живущая в деревне Фетинино. До леса было километра полтора, но место это, грибное и щедрое, знали только местные, да и то не все. От дороги оно располагалось далеко, так что городские грибники на машинах сюда не добирались. Вот и хорошо, вот и славно.

Белых было немного, но вот рыжиков и опят хоть ко-сой коси, да и красноголовиков несколько штук нашлось, на жареху хватит. В надежде найти еще парочку женщина свернула с протоптанной тропинки, углубилась в траву между берез и вдруг замерла в недоумении. Под деревом стоял чемодан.

Обычный, довольно большой пластиковый чемодан на четырех колесиках с широкой и удобной ручкой. Признаться, женщина всегда немного завидовала, когда видела такие у людей в аэропорту. Они с мужем любили отдыхать в Турции, жаль, в этом году не довелось. Вот только в лесу такому чемодану делать было совершенно нечего.

– Ко-ость, а Ко-ость, – позвала она с характерной говору северной глубинки напевностью, – погля-адь, что я нашла-а.

Муж, мужик основательный, подошел не спеша, остановился, чуть пыхтя, – грузность не давала ему двигаться и наклоняться легко, как в молодые годы, – посмотрел с легкой насмешкой, но без издевки.

– Ну, показывай свою находку.

– Вот, – женщина мотнула головой в сторону чемодана, и муж уставился на него, словно не веря собственным глазам. Нет, правда, неоткуда тут было взяться чемодану.

– Етить-колотить. – Мужчина снял изрядно засаленную, видно, что бывалую, кепку и потер плешивый затылок. – Это ж какой турист его тут оставил?

– Ко-ость, может, ну его, пойдём, – жарким шепотом заговорила женщина и вцепилась мужу в рукав, – не к добру он тут стоит. Давай трогать не будем.

– Да подожди ты, – мужчина стряхнул ее руку, сделал несколько шагов к чемодану, присел на корточки, потрогал пальцем ручку и поднял ее, – ну, не бомба же в ём. Давай посмотрим.

– А вдруг там ценное, – женщина все еще нервничала, – пропадет, и потом в жисть не докажем, что ничего не брали.

– Так кому доказывать-то, Нюрка, нет же тут никого, – мужчина усмехнулся и решительно потянул за молнию. – А если ценное, так, почитай, нам с тобой впервые в жизни повезет.

Молния разошлась, и в нос ударил жуткий гнилостный запах. Внутри лежал человек, точнее, то, что осталось от умершей пожилой женщины. Мужчина сделал шаг назад, зажал широкой ладонью рот и нос. За его спиной раздался истошный визг жены. Уронив корзинку и не замечая, что собранные грибы рассыпались по все еще зеленой траве, она то ли кричала, то ли выла на одной протяжной ноте.

– Замолчи, – тяжело обронил мужчина, и жена послушно заткнулась, тараща бесцветные глаза на чемодан со страшной находкой, – в полицию надо звонить, а не орать.

* * *

«По факту обнаружения тела женщины в чемодане в лесу недалеко от деревни Фетинино возбуждено уголовное дело. Следственный комитет квалифицировал происшествие как убийство. На теле жертвы найдены следы удушения. Следователи и криминалисты осмотрели место происшествия, опросили очевидцев, – сообщила прессе

помощник руководителя областного Следственного комитета Лиля Лаврова. – Назначены судебно-медицинская и молекулярно-генетическая экспертизы, личность женщины устанавливается. При ней не найдено никаких документов».

Впрочем, кое-что Лиля от общественности все-таки утаила. Даже своей давней приятельнице, много раз помогавшей ей журналистке областной газеты «Курьер» Инессе Перцевой не призналась, что один вещдок при потерпевшей все-таки нашли. Выглядел он странно: хрусткий пожелтевший лист плотной бумаги с нанесенным на него кружевным узором. С недавнего времени Лиля любила кружева, а потому позвонила мастерице, у которой заказывала кружевные элементы для своих нарядов. Отправив фотографию находки, она узнала, что обнаруженный листок называется сколок и используется как основа для плетения кружева.

На сколке был прорисован кружевной кленовый лист, выглядел лист измятым и ломким, видно, был очень старым. В верхнем правом углу можно было различить то ли вензель, то ли просто инициалы Т.М., но имело ли это отношение к жертве и ее гибели, было совершенно непонятно. На всякий случай Лиля решила о сколке умолчать, а там видно будет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Октябрь 1857 года выдался студеным. На замерзших и от того хрустких листьях плела свое красочное кружево изморозь. Татка даже остановилась, чтобы разглядеть узор получше, вдруг пригодится. Ей ужасно хотелось, чтобы Соня, София Петровна Брянцева, ее учительница и мастерица от бога, похвалила, выделила среди остальных. О том, что сплетенное Таткой кружево когда-нибудь покажут Анфии Федоровне, матери Софии, девушка даже не мечтала.

— Тата, ты идешь или нет, холодно.

Закадычные подружки Пелагея и Авдотья ждали замешкавшуюся Тату в отдалении. Дуся с присущей ее характеру кротостью, Палашка — нетерпеливо пристукивая ножкой, обувой, невиданное дело, в кожаный сапожок. Тата перевела взгляд на валенки, которые поутру заставила надеть мать, увидевшая первый снег. Дуся шла на урок в лаптях, любовно украшенных вплетенной в лыко тесьмой и вышитых бисером. Золотые у Дуси руки, ой золотые, но все равно не такие, как у Татки.

Она подняла кленовый лист с особенно красивой морозной вязью — он казался прозрачным, словно исхудавшим, — и бережно спрятала в лежащую в кармане варежку. Вдруг получится донести до дома Брянцевых, чтобы тщательно срисовать узор на кусок плотной оберточной бумаги. Чем не сколок?

— Иду, — чуть виновато откликнулась она на Палашкин призыв и ускорила шаг. Нехорошо заставлять себя ждать, да и на урок опаздывать не след.

Вот уже месяц три подружки два раза в неделю, по вторникам и четвергам, посещали уроки кружевоплетения, которые давала известная кружевница София Брянцева. Ее мать Анфия Федоровна исполняла любые виды кружева: и иностранный «валансьен», и «брюссель». Но больше всего ценился изобретенный ею «вологодский манер», а уж София и вовсе слыла лучшей кружевницей в округе. Девчонки шептались, что за один заказ от столичных модниц она могла получить неслыханные деньги — аж двести рублей.

Добрая Дуся нет-нет да вздыхала, невольно завидуя семейному укладу дома, в котором им приходилось регулярно бывать. Тата же не завидовала ничуть — знала, что кружева плетут да уроки дают мать и дочь не от хлебо-солевой жизни. В средствах к существованию Брянцевы нуждались постоянно, а кружевоплетение давало стабильный заработок. Еще более прибыльным делом оказалось создание рисунков и изготовление сколков. На нем Анфия Федоровна и София Петровна зарабатывали даже больше, чем собственно на плетении, да и делать это было гораздо легче.

В досужие разговоры Тата вообще не верила. Как же двести, когда самая дорогая шаль, сплетенная Таткиной матерью, не приносила в семью больше пяти рублей, да и то не часто? Обычно они и двум рублям были рады.

Честности ради, Тата не могла не признать, что кружево у матери выходило толстое, грубое, напрочь лишённое того воздушного изящества, которое струилось из-под пальцев Софии Брянцевой. Собственно говоря, именно из-за этого Татку и отдали в обучение к известной мастерице, и теперь она истово училась, мечтая о том, чтобы, уподобившись Анфии и Софии, выплетать платья и косынки, тальмы, покрывала, вуали, наkolки и чепцы.

Соня Брянцева за пяльца уселась, когда ей было пять лет, а учить других начала, едва ей исполнилось десять. Этот факт отдавался у пятнадцатилетней Таты болью в душе, заставляя горевать о собственном несовершенстве. Неужели ей никогда-никогда не стать такой, как София?

Школа располагалась в выделенном на эти цели большом помещении в доме Брянцевых. Ходили сюда ученицы из города и окрестных деревень в возрасте от двенадцати до сорока, так что, строго говоря, Татка и ее подруги были здесь еще не самыми «позднеспелыми». С Палашки с ее кожаными сапожками Брянцевы брали по пять копеек за урок – ее зажиточный отец мог потянуть плату за неожиданное увлечение дочери, а вот Дуся и Тата расплачивались то корзинкой клюквы, то шматком сала, то свежее испеченным пирогом. Для них кружевоплетение было не блажью, а потенциальным источником дохода.

Урок начинался в десять, и сделать перерыв мастерицы могли не раньше часа пополудни. После сигнала Софии они доставали свои узелки с припасенным обедом, как правило, состоящим из куска ржаного хлеба, соленого огурца и холодной картофелины, и, наскоро перекусив, бежали на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. На перерыв отводилось минут сорок, после чего ученицы возвращались к занятиям и сидели, склонив голову над подушечкой и коля пальцы булавками, до пяти часов вечера.

Тата перерыв любила особо еще и за то, что в это время из уездного суда приходил на обед глава семьи Брянцевых, Петр Степанович, в которого Тата была тайно влюблена. Иногда девушке удавалось пусть одним глазком да увидеть объект своей девичьей наивной страсти. Интересно, повезет ей сегодня или нет?

Ускорив шаг, чтобы поспеть за широко шагающими подругами, Тата придирчиво вспоминала, как именно сегодня оделась. Впрочем, к Брянцевым она всегда старалась надевать лучшее. Цельная рубаха, длинная, по самую щиколотку, сегодня была новой, оттого сверкающей белизной. Лямки на ярко-красном сарафане Тата заменила на кружевные, сплетенные собственными руками. Такая же кружевная лента шла под пуговицами, имитирующими застежку. Мать, конечно, требовала надеть другой сарафан, с утепленным шерстяной подкладкой подолом, но Тата наотрез отказалась. Да, студеное нынче утро, но все же не зима.

Палашка уже красовалась в новой шубке, короткой, но из беличьего меха. На Дусе была надета суконная коротайка, как водится, расшитая тесьмой и разноцветными шнурами, а Тата куталась в кафтан из шерстяной ткани, купленной отцом по какой-то оказии и тоже украшенной кружевом. От овчинного тулупа, предложенного матерью, удалось пока отвертеться. Нет, в таком виде не стыдно показаться на глаза Петру Степановичу, совсем не стыдно.

– Тата, ну хватит витать в небесах, – Палашка опять топнула ножкой, проявляя характер, – поторапливайся, из-за тебя мы опоздаем.

Оказывается, замечтавшись, она опять отстала от подруг. Тяжело вздохнув над собственным несовершенством, из-за которого Тата то и дело влетала в неприятности, она бросилась их нагонять.

* * *

Снежана разогнула затекшую спину и сладко потянулась. Сегодняшняя норма выполнена, теперь, пожалуй, можно и пообедать. Из кухни тянуло привычными домашними ароматами сдобы, жареного мяса и, кажется, борща.

– Ма-а-а-ам, что у нас сегодня на обед? – прокричала Снежана, придирчиво осмотрела выполненную за сегодня работу – распускающуюся поверх сколка невиданной красоты жар-птицу, которую постоянная заказчица хотела видеть на спине черного выходного платья, – и поправила коклюшки, издавшие легкий мелодичный звон. Звон был особый – хоть раз в жизни услышишь, ни с чем не перепутаешь.

– Иди руки мой, садись за стол, и узнаешь. – Голос матери тоже был звонким, мелодичным, совершенно не соответствующим ее семидесяти двум годам.

Маму, сохранившую хрупкость невысокой фигурки, носившую неизменные каблуки и короткую, ультрасовременную стрижку, со спины часто принимали за девушку. Снежана ею гордилась.

– Скоро закончишь? – спросила мама, когда она с удобством расположилась на своем законном месте, у холодильника, и с удовольствием зачерпнула первую ложку огненного, ярко-красного борща, к которому прилагалось тонко порезанное розовое сало с корочкой черного перца, два зубчика чеснока и домашняя, недавно испеченная, еще горячая пампушка. Рядом стояла плошка с маслом. – Когда Вера Михайловна платье ждет?

Пунктуальность мама считала одним из главных профессиональных качеств хорошей швеи, и плетей тоже. «Плетеями» в народе называли кружевниц, маме это старорусское название нравилось больше, и Снежана не спорила. Заказчицы обычно называли ее портнихой, и с ними Снежана не спорила тоже. По большому счету ей было совершенно все равно, как называется ее труд. Главное – за него платили, и ее ловкие пальцы, которым было все равно, кроить, шить или плести кружево, обеспечивали им с мамой вполне безбедную жизнь. Не миллионеры, конечно, но и жаловаться не на что, пока глаза видят и руки не дрожат.

Раньше главным добытчиком в семье был папа. Мама же, творческая натура, сколько Снежана себя помни-

ла, разрабатывала рисунки для сколков и плела кружева. Особого дохода это, если честно, не приносило, зато удовольствия — сколько угодно. Много лет мама проработала на кружевной фабрике «Снежинка», в честь которой, собственно говоря, и назвала единственную дочь.

В их семье женщины выходили замуж и рожали поздно. К примеру, Снежана родилась у мамы, когда той исполнилось тридцать восемь лет. И мама смеялась, что дочка — ее главный кружевной узор. После распада Союза от огромной когда-то фабрики, на которой работали сотни людей, мало что осталось, но мама, как злословили подружки, вовремя сориентировалась: выгодно выскочила замуж за человека, ставшего одним из первых в их области предпринимателей, а потому могла себе позволить работать не ради денег, а по велению души. И еще — учить дочку мастерству плетей.

Снежана — поздний, балованный ребенок — росла девочкой замкнутой, больше всего на свете любившей читать книжки в укромном уголке и стучать коклюшками. Подруг у нее особо не было, шумные компании она не любила, Снежана тихо и незаметно окончила филологический факультет местного университета и устроилась работать в библиотеку.

Вот только со смертью папы все переменялось. Мама как-то растерялась, словно стала еще меньше ростом, разговаривала шепотом и подолгу сидела, уставившись в одну точку. Незадолго до скоропостижной смерти отец купил семье четырехкомнатную квартиру в самом центре, в ремонт которой вложил все свободные деньги. Остальные крутились в бизнесе, но его ушлый компаньон и давний друг

семьи довольно быстро отжал их, пользуясь тем, что оглушенные горем жена и дочь ничего не понимают в делах.

Лежащая в тумбочке кучка денег, из которой мама брала на хозяйство, а Снежана на свои крайне скромные нужды, начала таять и месяца через три растаяла совсем. На зарплату библиотекаря и пенсию прожить было совершенно невозможно, а потому, немного подумав, Снежана приняла решение брать заказы на шитье нарядов со вставками из вологодского кружева.

Кстати, идея объединить кружево с тканью когда-то принадлежала именно маме. Блузы, юбки, брюки изо льна и батиста со вставками из разноцветного кружева, сшитые во входящем тогда в моду стиле бохо, разлетались на ура. Снежана до сих пор помнила привычную картинку из детства: просыпаясь, она крадется по коридору, стараясь не наступать на скрипучие половицы, к комнате, в которой оборудована мастерская, и видит маму, склонившуюся над листами бумаги. Даже названия коллекций помнила: «Родники», «Жизель» и «Пастель», «Светский раут» и «Мадемуазель». И коллекцию ночных сорочек «Черный лебедь», выполненную из черного батиста с машинным кружевом и атласными лентами¹.

Так что, открыв собственную мастерскую, Снежана просто пошла по маминым стопам. Первое время заказчиц было не так много, и она справлялась одна, но потом слава о ее эксклюзивных моделях пошла сначала по горо-

---

¹ Использованы настоящие названия кружевных коллекций мастерницы фирмы «Снежинка» Елены Котоминой.

ду, потом по области, а затем докатилась и до Москвы с Питером. Поступили первые заказы из-за границы, и сейчас у Снежаны Машковской было свое небольшое ателье, в котором, помимо нее, работали еще одна закройщица и четыре швеи.

Под ателье было снято помещение на первом этаже дома, где жили Снежана с мамой. Плести кружево она предпочитала наверху — эта работа требовала покоя и уединения. Дома она оставалась и когда требовалось вдохновение, чтобы придумать что-то особенное для очередной клиентки. А кроила и шила Снежана в мастерской, под шумный гомон девчонок и довольные улыбки пришедших на примерку заказчиц.

Все-таки, помимо материнского таланта, ей передалась и отцовская сметливость: ателье процветало и приносило хороший доход. В этом году, конечно, все было непросто из-за проклятой пандемии — зачем шить нарядную одежду, если ходить в ней все равно некуда — но жаловаться было грех, заказы все равно поступали. Снежана и не жаловалась.

— Думаю, закончу завтра, мне немного осталось, — ответила она. — А платье должно быть готово к субботе. Сегодня понедельник, так что все успеем.

— Что у тебя еще на сегодня? Или до вечера плести будешь?

Мама предпочитала быть в курсе дочкиных дел, и, надо признать, ее советы не раз выручали Снежану. Сама стучать коклюшками мама больше не могла: из-за подступающей болезни Паркинсона у нее ощутимо дрожали руки, — но вкусом обладала по-прежнему отменным.

– Нет, спина устала, да и новая клиентка должна прийти. Говорит, у нее особый заказ, который надо подробно обсудить.

– Особый заказ? – Мама заметно оживилась. – Это может быть интересно. Знаешь что, а приводи ее домой, я тоже с удовольствием послушаю. Заодно чаем вас напою, я плюшки испекла, как ты любишь, с корицей.

Снежана вздохнула. Как объяснить маме, что плюшки с корицей ей категорически противопоказаны, при ее-то сидячем образе жизни и сорок восьмом размере? Еще весной размер был условно сорок шестым, но если злоупотреблять маминой сдобой, то и до пятидесятого недалеко. И кто ж ее такую замуж возьмет?

В свои тридцать четыре года Снежана все еще была одинока. Мама в этом ни малейшей проблемы не видела, по своему примеру полагая, что сначала нужно состояться как профессионал, посмотреть мир и пожить для себя, а уже потом надевать ярмо семейной жизни. Как профессионал Снежана состоялась, основные мировые столицы повидала, а новые в одночасье стали недоступны из-за закрывшихся границ, а вот своим одиночеством и незадавшейся женской судьбой тяготилась все больше. И мамин пример не утешал: у той в конце концов появился такой замечательный человек, как папа, а в жизни Снежаны он даже не предвидится, потому что таких, как папа, больше нет.

* * *

Пообедав, Снежана быстро переделась и сбежала с третьего этажа на первый, в ателье. Заказчиком, особенно новым, она всегда показывала товар лицом, надевая